

АРКАДИЯ • ПЕРЕКРЕСТКИ

Уильям Кент Крюгер

ПРОСТАЯ
МИЛОСТЬ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.111

ББК 83.3(7)

К11

William Kent Krueger
ORDINARY GRACE

Перевел с английского

Александр Волков

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Художник

Светлана Ихсанова

Печатается с разрешения агентства

Browne & Miller Literary Associates, LLC

Крюгер У. К.

К11 Простая милость : [роман] / Уильям Кент Крюгер; [пер. с англ. А. Волкова] — СПб. : Аркадия, 2018. — 368 с. — (Серия «Перекрестки»).

978-5-906986-14-6

Летом 1961 года небольшой американский городок Нью-Бремен захлестнула волна смертей. Одной из погибших стала восемнадцатилетняя красавица Ариэль, тело которой нашли в реке. Младшие братья девушки, подростки Фрэнк и Джейк, не верят в несчастный случай и тем более в то, что сестра покончила с собой. Они пытаются найти убийцу и понять мотивы его преступления.

«Простая милость» — психологический роман Уильяма Кента Крюгера, написанный в лучших традициях жанра «южной прозы».

УДК 821.111

ББК 83.3(7)

© William Kent Krueger, 2013

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2017

ISBN 978-5-906986-14-6

*Диане,
моей необыкновенной
благодетельнице*

Я бы хотел поблагодарить за доброту и щедрость преподобного Роберта Роллина и преподобного Грегга Ренстрома, которые бескорыстно откликнулись на мою просьбу и поделились былым опытом пастырского служения в маленьких общинах штата Миннесота.

Уильям Кент Крюгер

У сердца есть свой разум,
который разуму не постичь.

Блез Паскаль

ПРОЛОГ

Все смерти в то лето начались с гибели ребенка, светловолосого мальчика в очках с толстыми стеклами. Он окончил жизнь на железнодорожных путях возле Нью-Бремена, штат Миннесота, под колесами тысячетонной стальной громады, которая неслась по прерии в сторону Южной Дакоты и разрезала его тело на части. Мальчика звали Бобби Коул. У него были мечтательные голубые глаза, а губы постоянно складывались в полуулыбку, будто до него наконец дошло то, что ему уже целый час объясняли. Славный был мальчишка. Жаль, что я мало с ним дружил и не узнал его получше. Он жил недалеко от нашего дома, и мы были ровесниками, но в школе он отставал на два класса, и отстал бы на три, если бы не доброта учителей. Это был обычный ребенок, не ровня дизельному локомотиву Объединенной Тихоокеанской железной дороги.

В то лето смерть являлась во многих облициях — несчастный случай, естественная причина, самоубийство, убийство... Может показаться, что у меня от этого времени остались лишь трагические воспоминания. Это верно, но лишь отчасти. Мой отец любил цитировать греческого драматурга Эсхила: «Тот, кто ищет знания, должен страдать. И даже во сне боль, позабыть которую невозможно, капля за каплей проникает нам в сердце, покуда среди отчаяния, помимо воли не явится к нам мудрость, ниспосланная страшным милосердием Божьим».

Возможно, именно для этого и предназначалось то лето. Я был не старше, чем Бобби, и многого не понимал. С тех пор минуло четыре десятилетия, но я не уверен, что и теперь все понимаю. Я по-прежнему много размышляю над произошедшим — над ужасной платой за мудрость. Над страшной Божьей милостью.

Лунный свет пятнами ложился на пол спальни. Темноту за окном наполняло стрекотание ночных насекомых. Июль еще не наступил, но жара стояла адская. Может быть, поэтому я и проснулся. В 1961 году кондиционеры в Нью-Бремене имелись только у богатых. Днем мы боролись с жарой, занавешивая окна, а по ночам включали вентиляторы в надежде, что они охладят воздух. У нас дома было всего два вентилятора, и ни один из них не стоял в спальне, которую я делил с братом.

Я метался по простыне, пытаюсь сладить с жарой, и вдруг зазвонил телефон. Отец часто говорил, что от ночных звонков ничего хорошего ждать не следует. Однако отвечал на них. Я считал, что это просто некая часть его дел. Работы, так раздражавшей нашу мать. Телефон стоял на столике в коридоре, рядом с моей комнатой. Я глядел в потолок и слушал дребезжащий звон, пока в коридоре не зажегся свет и голос отца не произнес:

— Да?

Я услышал скрип кровати — в другом углу комнаты в постели заворочался Джейк.

— Есть пострадавшие? — спросил отец. Потом устало и вежливо проговорил: — Буду через несколько минут. Спасибо, Клив.

Не успел он повесить трубку, как я вылез из постели и прошлепал в коридор. Волосы отца со сна растрепались, небритые щеки отдавали синевой, глаза смотрели устало и грустно. На нем была футболка и полосатые трусы.

— Иди спать, Фрэнк.

— Не могу, — ответил я. — Слишком жарко, и я уже проснулся. Кто звонил?

— Полицейский.

— Что-то случилось?

— Нет. — Он закрыл глаза и помассировал веки кончиками пальцев. — Это Гас.

— Напился?

Отец покивал и зевнул.

— Забрали в участок?

— Иди в постель.

— Можно я с тобой поеду?

— Иди в постель, я сказал.

— Пожалуйста! Я не буду мешать. А спать я теперь все равно не смогу.

— Говори тише — весь дом разбудишь.

— Пожалуйста, папа!

Он был готов подняться с постели и отправиться в душную летнюю ночь, потому что так было нужно, но удержать тринадцатилетнего мальчишку, рвущегося на встречу приключениям, оказалось выше его сил.

— Одевайся, — сказал он.

Джейк сидел на краю кровати. Он уже надел шорты и теперь натягивал носки.

— Куда это ты собрался? — спросил я.

— С тобой и папой.

Он опустил на колени и принялся шарить под кроватью в поисках кроссовок.

— Черта с два.

— Да что ты говоришь! — ответил он, продолжая поиски.

— Никуда ты не пойдешь, Хауди-Дуди.

Брат был младше меня на два года и ниже на две головы. Волосы у него были рыжие, лицо в веснушках, а уши по-дурацки торчали в стороны, будто ручки сахарницы, поэтому в Нью-Бремене его иногда называли

Хауди-Дуди, а ребята так и вовсе дразнили Ухопланом. Когда мне хотелось его поддеть, я тоже называл его Хауди-Дуди.

— Ты мне не на-на-начальник, — возразил он.

На людях Джейк заикался почти всегда, но со мной — только когда бывал рассержен или напуган.

— Конечно, — согласился я. — Зато я могу на-на-навешать тебе тумачков, когда захочу.

Он отыскал свои кроссовки и начал обуваться.

Ночь была темная, как глубины человеческой души, и осознание того, что я бодрствую в час, когда остальной мир спит мертвым сном, внушало мне греховный трепет. Отец часто отправлялся на подобные дела, но никогда не разрешал сопровождать его. На этот раз мне выпала удача, и я не хотел делить ее с Джейком. Я уже и так потратил драгоценное время, поэтому прекратил пререкания и оделся.

Брат ждал в коридоре. Я хотел было еще попрепираться, но тут отец стремительно вышел из спальни и захлопнул за собой дверь. Он взглянул на Джейка, будто собирался сказать что-нибудь неприятное. Но вместо этого глубоко вздохнул и подал нам знак, чтобы спускались по лестнице впереди него.

Мы вышли и направились в гараж. Вокруг бешено стрекотали кузнечики, и светлячки висели в неподвижном темном воздухе, время от времени вспыхивая и погасая, как будто медленно моргали чьи-то мечтательные глаза.

Впереди, словно черные лодки в серебристом море лунного света, скользнули наши тени.

— Я спереди! — сказал Джейк.

— Да ладно! Тебя сюда даже не звали.

— Я первый застолбил.

Таково было правило. В Нью-Бремене, городе, основанном и населенном немцами, правила соблюда-

лись строго, но я продолжал высказывать недовольство — пока не вмешался отец.

— Джейк первый застолбил, — сказал он. — Разговор окончен, Фрэнк.

Мы залезли в машину — «паккард-клиппер» 1955 года, цвета консервированного горошка. Мать называла ее Лиззи. Она давала имена всем автомобилям, которые у нас были: «студебеккер» звала Зельдой, «пontiак стар-чиф» — Малышкой Лулу, в честь персонажа комиксов. Были и другие, но ее любимицей — и любимицей всех нас, кроме отца — стала эта. Большая, мощная и элегантная. Подарок от нашего деда, она являлась предметом вечных родительских разногласий. Отец никогда в этом не признавался, но я предполагал, что его гордость была уязвлена, когда ему пришлось принять столь экстравагантный подарок от человека, которого он не особенно любил и в чьих достоинствах откровенно сомневался. Даже тогда я понимал, что дед считал отца неудачником и не самой подходящей партией для своей дочери. Когда эти двое мужчин садились вместе за обеденный стол, в воздухе всегда пахло грозой.

Мы поехали через Равнины — так называли наш район Нью-Бремена, пролежавший вдоль реки Миннесоты пониже Высот, где селились зажиточные семьи. Выше нас жило много людей, не относившихся к богачам, но никто из имевших деньги не жил на Равнинах. Мы проехали мимо дома Бобби Коула. Он был полностью погружен в темноту, как и остальные дома, которые мы миновали. Я попытался обратить мысли на гибель Бобби, произошедшую днем раньше. Никогда прежде я не встречал ребенка, который бы потом умер, и эта смерть казалась неестественной и зловещей, будто Бобби Коула уволокло чудище.

— Гас куда-то в-в-вляпался? — спросил Джейк.

— Немного, но ничего серьезного, — ответил отец.

— Ничего себе не разбил?

— В этот раз нет. Подрался с одним парнем.

— Как водится.

— Только когда напьется, — вставил я с заднего сиденья.

Обычно отец оправдывал Гаса, но сейчас он многозначительно промолчал.

— Тогда он часто напивается, — сказал Джейк.

— Хватит. — Отец поднял руку, и мы закрыли рты.

Мы проехали по Тайлер-стрит и свернули на Мэйн-стрит.

Я знал Нью-Бремен вдоль и поперек, но по ночам все становится другим. Изменившийся, погруженный в темноту город был полон заманчивых возможностей.

Полицейский участок находился на городской площади. Это было старейшее здание в Нью-Бремене после Первой евангелическо-лютеранской церкви. И то, и другое здание были выстроены из гранита, который добывали неподалеку от города. Припарковавшись, отец сказал:

— Вы оба остаетесь здесь.

— Мне надо в туалет, — проговорил я.

Отец метнул в меня испепеляющий взгляд.

— Извини. Не могу терпеть. — Мой голос звучал виновато.

По тому, как быстро отец согласился, я понял: он смертельно утомлен.

— Ладно, идем. И ты, Джейк.

Я еще никогда не бывал в полицейском участке, но это место всегда сильно действовало на мое воображение. В реальности оно оказалось грязной комнаткой, освещенной люминесцентными лампами, и не сильно отличалось от дедовского бюро недвижимости — пара письменных столов, картотечный шкаф и стенд с плакатами. Правда, пространство вдоль восточной стены занимала зарешеченная камера, и в ней сидел заключенный.

— Спасибо, что пришли, мистер Драм, — сказал полицейский.

Они пожали друг другу руки. Полицейский Клив Блейк выглядел моложе, чем отец, и носил очки в тонкой золотой оправе, из-за которых с обескураживающей прямоотой смотрели его голубые глаза. Ночь была чертовски сырая, но униформа на нем выглядела чистенькой и опрятной.

— Не поздновато ли для мальчишек?

— Спать невозможно, — ответил я полицейскому. — Слишком жарко.

Джейк не сказал ничего, — он всегда отмалчивался, когда опасался, что начнет заикаться на людях.

Я узнал человека в клетке — Моррис Энгдаль, мерзкий тип. Черные волосы, собранные в куцый хвост, и черная кожаная куртка. Он был на год старше моей сестры, которая только что выпустилась из средней школы. Энгдаль школу не окончил. Говорят, его выгнали за то, что он нагадил в шкафчик девчонке, которая отказалась пойти с ним на свидание. Он ездил на самой крутой тачке, какую я только видел — черный «форд» 1932 года с заднепетельными дверцами, блестящим хромированным радиатором, толстыми белыми шинами и нарисованными на бортах языками пламени — казалось, будто машина и вправду охвачена огнем.

— Да это же пердун Фрэнк и Хауди-Ду-Ду-Ду-Дуди! — сказал Энгдаль. Говорил он невнятно, шлепая толстыми губами. Он злобно уставился на Джейка из-за решетки. Под глазом у него темнел синяк.

— Как де-де-делишки, отсталый?

Как только Джейка не обзывали из-за его заикания. Казалось бы, это должно было его задевать, но обычно он только замолкал и таращил глаза.

— Джейк не отсталый, мистер Энгдаль, — спокойно произнес отец. — Он просто заикается.

Я удивился, что папа знает Морриса Энгдаля, — они вращались в несколько разных кругах.

— Да ла-ла-ладно! — не унимался Энгдаль.

— Хватит, Моррис, — сказал офицер Блейк.

Отец больше не удостоил Энгдаля вниманием и спросил у полицейского, что случилось.

Тот пожал плечами.

— Двое напились, началась перебранка. Это как бросить спичку в бензин.

— Я не напивался. — Энгдаль скрючился на краю длинной металлической скамьи и уставился в пол с таким видом, словно прикидывал — не проплевется ли?

— Ему недостаточно лет, чтобы пить в баре, Клив, — заметил отец.

— Я поговорю об этом у Розы, — ответил полицейский.

За боковой дверью спустили воду в унитазе.

— Сильно им досталось? — спросил отец.

— В основном Моррису. Счеты сводили на автостоянке.

Боковая дверь открылась, и из нее, застегивая на ходу ширинку, вышел мужчина.

— Дойл, я тут рассказываю, как ты задержал Энгдаля и Гаса.

Вошедший сел и положил ноги на стол. Он не был одет в униформу, но по его уверенному виду я понял, что он тоже полицейский.

— Я был не при исполнении, завернул к Розы. Вижу — схлестнулись. Когда они вышли на улицу, я решил, что вечеринку пора заканчивать.

— Можно я заберу Гаса домой? — обратился отец к офицеру Блейку.

— Конечно. Он в задней комнате. — Полицейский полез в ящик стола за ключами. — Страшно жаль маленького Коула. Слышал, вчера вы почти весь день провели с его родными.